

К типологии дериваций глагольной меры: семельфактив и делимитатив

© 2021

Илья Владимирович Макаρχук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; ilya.makarchuk@gmail.com

Аннотация: Настоящая статья посвящена аспектуальной семантике дериваций семельфактива и делимитатива с типологической точки зрения. Описывается аспектуальное поведение таких дериваций в зависимости от акциональной характеристики основы. Семельфактив предлагается анализировать как минимальную по длительности ситуацию, а делимитатив — как неконечную порцию ситуации. Показано, как такое понимание позволяет объяснить разнообразие наблюдаемых интерпретаций глагольных дериватов.

Ключевые слова: акциональность, аспект, вид, делимитатив, перфектив, семельфактив

Благодарности: Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00627 «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах». Данные казымского диалекта хантыйского языка, горномарийского языка и мокшанского языка были собраны в экспедициях Школы лингвистики НИУ ВШЭ и ОТиПЛ МГУ в 2018–2019 гг. в село Казым ХМАО, в 2016–2018 гг. в села Микряково и Сосново республики Марий Эл и в 2014–2015 гг. в села Лесное Цыбаево и Лесное Ардашево республики Мордовия соответственно.

Для цитирования: Макаρχук И. В. К типологии дериваций глагольной меры: семельфактив и делимитатив. *Вопросы языкознания*, 2021, 6: 40–68.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.40-68

Towards a typology of derivations of verbal measure: Semelfactive and delimitative

Ilya V. Makarchuk

HSE University, Moscow, Russia; ilya.makarchuk@gmail.com

Abstract: The topic of the paper is the semantics of semelfactive and delimitative in a typological perspective. We describe in detail how semantic behavior of these derivations depends on the actional type of the verbal stem. We propose to analyze semelfactive as a situation of minimal duration and delimitative as a non-final portion of a situation. We show how this analysis allows to explain the variety of observed interpretations of the verbal derivatives.

Keywords: actionality, aspect, delimitative, perfective, semelfactive

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 19-012-00627.

For citation: Makarchuk I. V. Towards a typology of derivations of verbal measure: Semelfactive and delimitative. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 6: 40–68.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.40-68

1. Введение

Настоящая работа посвящена семантике глагольных дериваций семельфактива и делимитатива в типологической перспективе. Ниже представлены примеры семельфактива (1) и делимитатива (2) в русском языке:

- (1) а. *кашлянуть* < *кашлять*
      б. *курнуть* < *курить*
- (2) а. *покашлять* < *кашлять*
      б. *посидеть* < *сидеть*

В этой работе мы постараемся показать, как эти значения можно описать в качестве разновидностей феномена, который мы предлагаем называть **глагольной мерой** — речь идет о значении некоторой меры или степени ситуации в соответствии с определенным параметром. Например, в русском *подзабыть* приставка *под-* обозначает, что степень интенсивности на шкале состояния *быть забытым* для соответствующего актанта меньше, чем «нормальная». В семантике семельфактива и делимитатива основную роль будет играть шкала времени.

Мы рассмотрим эти значения на примерах из нескольких языков и представим предварительный обзор языкового разнообразия в данной семантической зоне. В этой статье мы будем идти скорее вглубь, а не вширь: так как размер статьи ограничен, мы в первую очередь подробно обсудим поведение более ярких, на наш взгляд, представителей рассматриваемых значений. Более обширный с точки зрения количества языков обзор показателей в аттенуативной подобласти глагольной меры можно найти в [Makarchuk 2020]. Нам не известно других сколько-нибудь детальных типологических описаний значений в аттенуативной подобласти глагольной меры за исключением эскиза типологии в [Tatevosov 2003] (подробнее см. [Makarchuk 2020: 23–26]).

В этой же статье мы опирались в первую очередь не на общие грамматические описания, а на работы, специально посвященные изучаемым явлениям в конкретных языках, в которых было относительно подробно описано акциональное распределение показателя. Так как цель грамматики языка — описать наиболее широко грамматическую систему целиком, описания отдельных дериваций в грамматиках обычно слишком краткие для наших целей.

Несмотря на малый объем выборки, мы, как представляется, все же смогли нащупать возможные ядерные значения для семельфактива и делимитатива, которые можно будет использовать в дальнейших исследованиях и проверить на других языках. Эти ядерные значения мы и охарактеризуем ниже и покажем, как из них выводятся различные наблюдаемые интерпретации в зависимости от акционального класса исходной основы.

Существует множество разных акциональных классификаций ситуаций (см., например, внушительную сравнительную таблицу в [Tatevosov 2010: 11–12]). В рамках журнальной статьи не представляется возможным сделать хоть сколько-нибудь подробный их разбор с целью выбора наиболее удачной и подходящей. Поэтому мы постарались выбрать какую-то «базовую» классификацию, которую при необходимости было бы потом легко перевести в более сложные системы.

В [Плунгян 2009] обсуждается важная идея о существовании и типологической релевантности некоторых **базовых**, первичных акциональных классов, относительно независимых от конкретного теоретического аппарата исследователя, — мы их будем называть **акциональными типами**. Из этих акциональных типов далее могут складываться более сложные **акциональные классы**, которые представляют собой «акционально связанные» друг с другом базовые акциональные типы. Такими первичными акциональными типами объявляются следующие три: состояние, процесс и событие; их мы и будем в первую

очередь различать. Состояния — это стативный акциональный тип, «темпорально стабильные» ситуации, не требующие притока энергии для их поддержания (например, *сидеть, спать, любить*). Процессы — это длительный динамический акциональный тип, ситуации постепенного или циклического изменения состояния (например, *гулять, кричать, греть*). События — это мгновенные ситуации точечного перехода из одного состояния в другое (например, *войти, упасть, кашлянуть*).

Эти акциональные типы в общем случае представляют собой акциональные интерпретации отдельных контекстных употреблений, а не классификацию предикатов в целом: предикат, обозначающий в одних контекстах, например, процесс, может в других контекстах обозначать событие — ср. процессное прочтение глагола *read* в *I was reading the book for 5 hours* ‘Я читал книгу пять часов’ и событийное в *I have read the whole book* ‘Я прочитал всю книгу’. Это соотношение специально исследовалось уже в [Татевосов 2010], где постулируются, правда, не три, а пять акциональных примитивов-интерпретаций: вхождение в состояние, вхождение в процесс, состояние, процесс и мультипликативный процесс. Акциональная характеристика глагола по Татевосову представляет собой набор этих примитивных интерпретаций в наиболее перфективной и наиболее имперфективной видо-временной форме.

При описании акционального поведения глагола мы в целом следуем похожей схеме. С каждым глаголом связано некоторое сложное описание ситуации, которое в различных контекстах может подпадать под одну из трех базовых акциональных интерпретаций: состояние, процесс (= процесс и мультипликативный процесс у Татевосова) и событие (= вхождение в состояние и вхождение в процесс у Татевосова). Ср. также близкий подход в [Stoft 2012], где для описания акционального поведения глаголов в конкретных контекстах используется понятие «аффорданса» (*affordance*). Тот минимальный набор из трех базовых типов, с которым мы работаем, как представляется, является наиболее универсальным и в том или ином виде присутствует практически во всех предлагавшихся ранее классификациях (см., например, обзор в [Татевосов 2010]). Тем самым, можно надеяться, что наши выводы окажутся содержательно совместимыми с аппаратом любой другой более сложной терминологической системы.

Стоит также сделать отступление о понятии предельности. Мы понимаем предельность как наличие предела, т. е. максимума на шкале состояний в структуре ситуации, такой точки, после достижения которой ситуация исчерпывается и не может далее продолжаться (ср. *Q-boundedness* в [Stoft 2012] или предельность в понимании славянской аспектологии [Зализняк, Шмелев 2000: 53–54; Плунгян 2009]). Для такого понимания принципиально важно именно существование предела: контекст, содержащий предельный глагол, не обязательно описывает достижение предела. Это отличается от понимания предельности по [Krifka 1998] (этот подход используется во многих работах по формальной семантике) как квантованности, то есть неделимости ситуации, когда части некоторой ситуации *X* не являются представителями этой ситуации *X*. Разницу в этих подходах видно по примерам типа *Я постепенно шел к финишу*. Такие примеры будут считаться предельными в понимании, используемом в нашей работе, так как у ситуации есть предел — достижение финишной линии, — после которого ситуация *идти к финишу* исчерпывается и дальше не может продолжаться. При этом предикат в этом примере неквантованный, так как часть ситуации *идти к финишу* тоже можно назвать предикатом *идти к финишу*.

На русском материале легко увидеть, что деление на процессы и события ортогонально делению на предельные и непредельные ситуации, как было показано уже в [Булыгина 1982]. Процесс отличается от события своей длительностью, что можно проверить с помощью обстоятельств длительности типа *пять минут*. Предельность же (перспективность и постепенность в терминах Т. В. Булыгиной) отличается наличием предела, что можно проверить с помощью обстоятельств типа *за пять минут*¹.

¹ При этом нужно быть осторожным: слепое применение этих тестов без глубокого семантического анализа может привести к неправильным результатам. Обстоятельства типа русского *за пять*

- (3) а. *Вася читал / почитал* ^{OK}*пять минут / *за пять минут.*
 б. *Вася поглощал торт* ^{OK}*целый час / ^{OK}за час.*
 в. *Вася прочитал / прочитывал книгу* ^{OK}**два часа / ^{OK}за пять минут.*
 д. *Я кашлянул* ^{OK}**секунду / *за секунду.*

Стоит отметить, что мы будем следовать конвенции, берущей начало с работы [Comrie 1976]: писать названия конкретноразличительных категорий (например, «русский Семельфактив на -ну») с заглавной буквы, а со строчной буквы — универсальные, применимые ко всем языкам категории (например, «значение семельфактива в языках мира»). Так мы сможем отделить случаи, когда мы говорим о свойствах какой-то деривации как части грамматики одного конкретного языка, от тех, когда мы обсуждаем какую-то деривацию с типологической точки зрения.

Наша работа построена следующим образом: после введения идут две основные части, посвященные семельфактиву и делимитативу соответственно, после чего мы подведем итоги нашего исследования в разделе «Заключение».

2. Семельфактив

В данном разделе мы рассмотрим деривацию семельфактива в типологической перспективе. В подразделе 2.1 мы обсудим два подхода к понятию семельфактива, существующие в литературе, и объясним, почему они недостаточны для описания семельфактивных дериваций. В подразделе 2.2 мы рассмотрим деривации семельфактива в трех неродственных языках: русском, финском и гаввада. Мы опишем их семантику, разберем, как ее анализируют авторы, исследовавшие эти показатели, и постараемся уточнить и обобщить их описания. В подразделе 2.3 мы обсудим понятия атома и естественной атомарности, которые будут важны для анализа семельфактива. В подразделе 2.4 мы предложим свой анализ семельфактива и покажем, как из него выводятся все наблюдаемые интерпретации с разными аспектуальными типами. В подразделе 2.5 мы опишем случай перехода показателя из инхоатива в семельфактив, который также послужит аргументом в пользу нашего анализа. В подразделе 2.6 мы подведем итоги.

2.1. О понятии семельфактива в типологии

Классический пример семельфактива представлен в русских парах типа *кашлять* — *кашлянуть*, *шагать* — *шагнуть*, *прыгать* — *прыгнуть*. Первый глагол в этих парах — это мультипликатив — процесс, состоящий из повторения одной и той же ситуации, или «кванта»; а второй глагол в этих парах — это семельфактив — непосредственно «квант»

минут, по всей видимости, все же обозначают длительность интервала, в которой вложена эта ситуация, просто предел часто выступает точкой отсчета. Например, в предложении *За это время у меня потерялся ключ* обстоятельство *за это время* обозначает длительность временного промежутка, рассматриваемого говорящим, в течение которого случилась точечная ситуация [Raducheva, Pentus 2008: 196]. Как представляется, так происходит потому, что обстоятельство *за это время* находится в теме, а глагол *потерялся* — в реме. Поэтому *за это время* отсчитывается не от возможного предела глагола, которого в данном случае нет, а от какого-то другого заданного предыдущим контекстом предела. Если поменять порядок слов и поставить обстоятельство в рему, то обстоятельство оказывается невозможным: *У меня потерялся ключ ?за это время / *за пять минут.*

множественного процесса, которым является мультипликатив (см., например, [Плунгян 2011: 221]). Как видно из примеров, в русском языке деривация семельфактива грамматикализована в показателе *-ну*.

Отсюда один из подходов к семельфактиву — как к категории глагольного числа. В нем понятие семельфактива производно от понятия мультипликатива. Например, в типологической статье [Храковский 1998] мультипликатив — это ситуация, состоящая из микроситуаций, повторяющихся с одним и тем же набором актантов в одно и то же время, а семельфактив — это непосредственно одна из таких микроситуаций.

Такое понятие семельфактива оказывается зависимым от понятия мультипликатива. Однако, например, в разговорном русском языке показатель семельфактива присоединяется и к немультимпликативным глаголам, как в (4)–(6) (о таких глаголах подробнее см. [Sokolova 2015]). В таких случаях непонятно, как применить определение семельфактива, подобное тому, что дано в предыдущем абзаце: исходный глагол не обозначает множественную ситуацию, состоящую из микроситуаций, и поэтому микроситуации, которую бы выделял такой семельфактив, в семантике глагола нет.

- (4) *Приостановился, курнул папироску два раза, дал курнуть Шкаликку, который позади него, как хвост, и прямым ходом к Люське.* [Юрий Дружников. Виза в позавчера (1968–1997)]
- (5) *По молодости гульнул на стороне: всего один шальной полухмельной вечер с шальной полухмельной полужнакомой бабою — и по первому же запросу-подозрению все сам рассказал, дурак!* [Алексей Слаповский. День денег (1998)]
- (6) *Читнул комменты под статусом об Онищенко.* [https://vk.com/wall26867380_2854099]

Другой подход — это считать семельфактив отдельным акциональным классом. Он работает для языков без грамматикализованного семельфактива, где мультипликативный процесс и его квант обозначаются одним и тем же глаголом, ср. глагол *cough* ‘кашля(ну)ть’ в английском языке:

- (7) *I coughed for a while.*
‘Я покашлял немного’.
- (8) *I suddenly coughed (once).*
‘Я вдруг кашлянул (один раз)’.

Пример такого подхода представлен в типологическом описании акциональности [Smith 1997]. Глаголы типа *cough* ‘кашлять, кашлянуть’ свободно употребляются как в перфективных, так и в имперфективных контекстах, сочетая класс достижений («achievement») типа *arrive* ‘прибыть’ и при множественной интерпретации классом однородных процессов («activities») типа *walk* ‘гулять’. При этом, в отличие от достижений, они не подразумевают результирующего состояния. Поэтому К. Смит дополняет стандартную четырехчленную классификацию по [Vendler 1957] акциональным классом семельфактива. Она определяет его как динамический непределительный мгновенный аспектуальный класс: таким образом, семельфактив — это событие, отличающееся от обычного достижения отсутствием результирующего состояния.

Похожий анализ представлен в [Croft 2012]. В нем В. Крофт разделяет вендлеровский тип достижения на три подтипа в зависимости от свойств результирующего состояния. Семельфактив в его классификации — это циклическое достижение («cyclic achievement») — достижение с точечным результирующим состоянием («point state»), т. е. таким состоянием, которое в скором времени завершается.

Такие описания хорошо подходят для семельфактивов в языках типа английского, где семельфактивное значение не грамматикализовано. Однако неясно, как такое определение

можно было бы применить к деривации семельфактива: как должна выглядеть семантика деривационного показателя и как он должен модифицировать структуру исходной ситуации.

Таким образом, существующие типологические подходы оказывается сложно применить к **деривациям** семельфактива без каких-либо дальнейших модификаций. В следующем подразделе мы рассмотрим примеры семельфактивов в конкретных языках.

2.2. Деривации семельфактива в конкретных языках

Перейдем к языковому материалу. В [Makarchuk 2020] мы описываем примеры семельфактивов из языков разных генетических групп: славянских, финно-угорских, тунгусо-маньчжурских, кушитских, а также из идиша и тубаларского — в сумме 15 языков. Ниже мы рассмотрим три наиболее ярких примера семельфактива в трех не родственных друг другу языках: в русском, в финском и в кушитском языке гаввада — и обсудим предлагаемые различными авторами подходы.

2.2.1. Русский Семельфактив

Классический пример семельфактивной деривации — это русский Семельфактив на *-ну*.

Обычно этот показатель описывают как обозначающий «один “квант” деятельности, описываемой исходным глаголом» [Зализняк, Шмелев 2000: 118–120], «единичное действие из ряда повторяющихся» [Янда 2012: 4]². Этот показатель обычно присоединяется к обозначению процесса, состоящего из таких «квантов» — т. е. мультипликативу: *моргать* — *моргнуть*, *шагать* — *шагнуть*. Однако он может присоединяться и к немultipликативам: *дуть* — *дунуть*, *ругать* — *ругнуть*, *пугать* — *пугнуть* — и тогда, как пишут Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев, квантификация создается самим показателем. Как отмечают исследователи, у многих таких дериватов обычно есть некоторый экспрессивный оттенок быстроты и резкости. По всей видимости, это можно объяснить тем, что у таких глаголов, как правило, есть другой парный глагол Несовершенного вида: *ругать* — *отругать*, *наругать* (разг.); *пугать* — *испугать*. На его фоне альтернативный дериват на *-ну* представляется маркированным.

В чем же состоит семантика этого «кванта»? В [Armoškaitė, Sherkina-Lieber 2008] русский Семельфактив *-ну* рассматривается как показатель глагольного числа: *-ну* обозначает, что ситуация однократна, единична, в противоположность множественной. Это близко к описанному выше представлению о семельфактиве в [Храковский 1998].

Авторы приводят два аргумента в пользу такого анализа. Во-первых, *-ну* меняет интерпретацию относительно количества ситуаций. Например, исходный глагол в (9а) обозначает повторяющееся действие, а дериват в (9б) может обозначать только одно. Заметим от себя, что парные глаголы без *-ну* могут обозначать единичную ситуацию в общефактических контекстах (9с).

- (9) а. *Марко Поло нетерпеливо топал.*
 б. *Марко Поло нетерпеливо топнул.*
 с. *Топал ли Марко Поло? — Топал.*

² Л. А. Янда указывает в качестве алломорфа *-ну* приставку *с-* в глаголах типа *сглотнуть*, о чем подробнее написано в [Макарова, Янда 2009]. Мы не согласны с таким смешением двух разных показателей и скорее разделяем точку зрения, изложенную, например, в [Горбова 2016].

Во-вторых, как отмечают С. Армошкайте и М. Шеркина-Либер, дериваты с *-ну* свободно употребляются с выражениями, в которых указано количество ситуаций (10b), тогда как употребление таких выражений с парными глаголами без *-ну* по крайней мере маргинально (10a).

(10) а. [?]#*Марко Поло нетерпеливо топал три раза.*

б. *Марко Поло нетерпеливо топнул три раза.*

На этот пример можно было бы возразить, что такое употребление могло бы быть возможно в общефактическом контексте (11a). Однако если сохранить наречие *нетерпеливо*, глагол *топать* все еще нельзя употребить в однократной интерпретации (11b).

(11) а. — *Сколько раз Марко Поло топал?* — *Марко Поло топал три раза.*

б. — *Сколько раз Марко Поло топал?* — ^{??}*Марко Поло нетерпеливо топал три раза.*

С. Армошкайте и М. Шеркина-Либер называют показатель *-ну* «uniactional marker» в противовес названию «pluractional marker» для показателя *-ыва*. Авторы не прописывают эксплицитно, какая именно семантика подразумевается под «uniactional marker», но, как кажется, под этим они подразумевают значение однократности, единичного исполнения. Если это так, то неясно, почему *-ну* не сочетается в этом значении с событиями: **находнуть* < *находить*, **замечнуть* < *замечать*. Таким образом, анализ семельфактива как однократной ситуации недостаточно эксплицитен и не позволяет объяснить наблюдаемое распределение.

Иного рода анализ представлен в [Плунгян 2000]. Согласно этому анализу, русский Семельфактив на *-ну* — это грамматикализованное ‘быстро’ в значении ‘<Естественное завершение процесса Р> наступило за более короткий (по сравнению с ожидаемым или нормальным) промежуток времени’.

Однако если обратиться к материалу других языков, видно, что грамматикализованное ‘быстро’, как кажется, ведет себя несколько по-другому, нежели русское *-ну*. Рассмотрим пример деривации *-т* в казымском хантыйском (примеры из наших собственных полевых данных). Как видно из примеров события в (12) и инкрементального процесса в (13), эта деривация действительно обозначает, что естественный предел достигается быстрее, чем ожидается, то есть подходит под определение, данное выше.

(12) *та клуџ-џт   вџџт-џт-с-џт*
я   ключ-POSS.1SG   найти-мом-PST-1SG>SG
‘Я быстро нашел ключи’.

(13) *та нџџџ-џ   џџџџ-џт-с-џт*
я   мясо-POSS.3SG   есть-мом-PST-1SG
‘Я быстро съел мясо’.

Напротив, русский Семельфактив не образуется от событий (14) или кратких процессов (15), а с инкрементальными процессами дает другую интерпретацию — неполной реализации ситуации (16).

(14) **находнул* (< *находить*), **замечнул* (< *замечать*)

(15) **открывнул* (< *открывать*)

(16) *Да не пил я. Я только пивнул капельку.*
[К. И. Чуковский. От двух до пяти (1933–1965)]

Если процесс непределный, хантыйские дериваты на *-т* обозначают, что начало ситуации наступило раньше, чем ожидалось (17). В русском же дериваты на *-ну* от непределного процесса в (18) имеют совершенно иное значение — процесса с малой длительностью.

- (17) *ma kluč-est kǎñš-äta-s-ät*
я ключ-POSS.1SG искать-МОМ-PST-1SG
'Я **бросился искать** (= **быстро начал искать**) ключи'.

- (18) *Hu и гульнули мы с тобой вчера!*
[Виктор Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма (1995)]

Таким образом, предложенный В. А. Плунгяном анализ данных русского Семельфактива на *-ну* оказывается слишком широким, хотя деривации, подходящие под его описание, встречаются в других языках.

2.2.2. Финский Глагольный Диминутив

Следующий пример семельфактива, который мы рассмотрим, — финский Глагольный Диминутив *-ahta/-aise*³. В [Armoškaitė, Koskinen 2008] авторы описывают его аспектуальные свойства и связь интерпретации деривата с акциональностью исходной основы. Если Глагольный Диминутив модифицирует состояние, то он обозначает (внезапный) переход в это состояние:

- (19) *Lapsi nuk-aht-i.*
ребенок спать-АНТА-PAST.3SG
'Ребенок **заснул**'.

Если же Диминутив модифицирует процесс с дискретными стадиями, т. е. мультипликативный процесс, то он обозначает одну из этих стадий:

- (20) *Lapsi hyp-äht-i.*
ребенок прыгать-АНТА-PAST.3SG
'Ребенок **прыгнул**'.

Впрочем, стоит заметить, что, в отличие от русского языка, в котором семельфактивные ситуации обязательно маркируются показателем Семельфактива, в финском исходная глагольная основа может обозначать однократную ситуацию сама по себе, без показателя Глагольного Диминутива:

- (21) *Silloin hän hyppäsi veteen ja ui loiskutellen luokseni veitsi kädessä ja heittäytyi eteeni ja sanoi: <...>*
'Тогда она **прыгнула** в воду, не выпуская из рук ножа, подплыла ко мне, бросилась на землю передо мной и сказала: <...>' [Mika Waltari. Sinuhe eguytiläinen (1945) | Мика Валтари. Синухе, египтянин (В. Н. Богачев, Е. Каменская, Лаура Виролайнен, 1994)]

Дериваты от процессов без дискретных стадий имеют интерпретацию краткого процесса с неполной, «небрежной» реализацией:

- (22) *Ignas luk-ais-i kirjan.*
Игнас читать-AISE-PAST.3SG книга.ACC
'Игнас почитал книгу **в спешке, без особого внимания** (ср. разг. русское *читнул*)'.

От событий Диминутив на *-ahta/-aise* не образуется:

- (23) а. **huom-ais-i* [заметить-AISE-PAST.3SG]
б. **saav-aht-i* [прийти-АНТА-PAST.3SG]

³ Выбор суффикса зависит от аргументной структуры глагола: *-ahta* присоединяется в основном к непереходным глаголам, а *-aise* — к переходным. Подробнее о распределении см. в [Armoškaitė, Koskinen 2008]

С. Армошкяйте и П. Коскинен описывают значение Диминутива как признак квантованности ([+quantized]) по [Krifka 1998].

Схожий анализ мы встречаем в [Kangasmaa-Minn 1984]. В финском языке в переходной клаузе маркирование прямого объекта зависит от вида глагола. Объект маркируется Партитивом на *-a/-ta* или Генитивом⁴ на *-n* в зависимости от того, задействована ли часть объекта или весь объект соответственно (примеры отсюда же). В первом приближении это различие можно описать как различие между перфективным и имперфективным видовым ракурсом.

(24) а. *Maalaan taloa*
крашу дом.PART
'Я крашу дом'.

б. *Maalaan talon*
крашу дом.GEN
'Я покрашу дом'.

При этом возможность употребляться с тем или иным объектом зависит от акциональной характеристики глагола. Э. Кангасмаа-Минн [Kangasmaa-Minn 1984: 84–85] приводит пример глагола *antaa* 'дать', который не употребляется в актуально-длительной интерпретации с Партитивным объектом (25b):

(25) а. *Annan lahjan*
даю подарок.GEN
'Дарю подарок'. (перформативное прочтение)

б. *Annan lahjaa
даю подарок.PART
Ожид.: 'Я в данный момент дарю подарок'.

Кангасмаа-Минн на основе сочетаемости с разными типами объекта выделяет три класса глаголов. Первый из них она называет «ингерентно перфективными»: это глаголы типа *antaa* 'дать', которые обозначают только предельные ситуации и употребляются (преимущественно) с Генитивным объектом. Это соответствует тому, что мы называли бы квантованными ситуациями. Второй класс глаголов — это то, что она называет «ингерентно имперфективными»: это глаголы типа *nukua* 'спать', которые употребляются только как состояния или неопределенные процессы и, если они переходные, сочетаются только с Партитивным объектом. Это соответствует тому, что мы называли бы неквантованными ситуациями. Третья группа, выделяемая ею, — это «нейтральные» глаголы, которые свободно употребляются с обоими видами объектов.

Далее Кангасмаа-Минн говорит о деривации на *-ahta/-aise*. Она утверждает, что эта деривация делает из глагола «перфективный», то есть квантованный, глагол. На это указывает то, что дериваты с этим показателем употребляются только с Генитивным объектом, но не с Партитивным (26) (гlossы и перевод наши). Также автор отмечает, что, как правило, от «ингерентно перфективных» глаголов типа *antaa* 'дать' и *heittää* 'бросить' дериваты на *-ahta/-aise* не образуются. Подобный анализ мы находим и в [Sulkala 1996].

(26) *Lukaisin kirjan / *kirjaa*
читать.AISE.PST.1SG книга.GEN / книга.PART
'Я прочитал / (*прочитывал) книгу небрежно, без особого внимания'.

Таким образом, среди исследователей есть понимание, что *-ahta/-aise* обозначает квантованность. Однако неясно, каким именно образом оператор модифицирует исходную

⁴ Некоторые исследователи, в том числе Э. Кангасмаа-Минн, называют этот падеж Аккузативом.

ситуацию, чтобы получилась квантованная ситуация, в чем состоит собственно «применение» этого признака? Почему в (19) дериват от состояния *nikua* ‘спать’ обозначает именно переход в состояние ‘заснуть’, а не просто временное пребывание в нем, как, например, в русском деривате *поспать*? Почему в (22) дериват от процесса *lukea* ‘читать’ обозначает небрежное выполнение (типа *читнуть*), а не, к примеру, короткую длительность (как в *почитать*) или частичное выполнение (как в *недочитать*)? Дериваты на *-ahta/-aise* действительно получают квантованными, но такого описания недостаточно, чтобы вывести финальную интерпретацию деривата.

2.2.3. Кушитский Семельфактив

Интересный случай параллелизма именной и глагольной морфологии описан в [Tosco 2007], где обсуждаются две похожие системы числа у имени и у глагола в языке гаввада кушитской группы афроазиатской семьи. В гаввада есть три грамматических рода: Мужской, Женский и Множественный.

(27) *šaamb-o* [мальчик-М] ‘мальчик’

(28) *šeet-te* [девочка-Ж] ‘девочка’

(29) *ʔorh-e* [молоко-PL] ‘молоко’

Число объекта выражается одним из трех способов: немаркированной формой, как в примерах (27)–(29), Сингулятивом, образующим единственное число (30), и Плуративом, образующим множественное число (31).

(30) *ħisk-att-o* [женщина-SING-М] ‘женщина’ < *ħisk-e* [женщина-PL] ‘женщины’

(31) *haarr-add-e* [осел-PLUR-PL] ‘ослы’ < *haarr-e* [осел-Ж] ‘осел, ослы’

Сингулятиву и Плуративу параллельны две деривации глагольного числа: Семельфактивная геминация (32) и Итеративная редупликация (33).

(32) *ħuk-k-* ‘отпить’ < *ħuk-* ‘пить’

(33) *fi-fil-* ‘расчесывать (много раз)’ < *fil-* ‘расчесывать’

М. Тоско показывает, что эти деривации сходны в том, как они ведут себя по отношению к счетности у существительных и «предельности» («telicity») у глаголов. Сингулятив образует имя со значением единичного объекта от счетного существительного (34а) и обозначение порции вещества от несчетного существительного (34б). Аналогично, Семельфактив от «предельной» ситуации обозначает единичную ситуацию (35а), а Семельфактив от «непредельной» ситуации — ослабленное действие (35б).

(34) а. *palh-itt-o* ‘один страус’ < *palh-o* ‘страус’

б. *ceeq-itt-e* ‘немного крови’ < *ceeq-te* ‘кровь’

(35) а. *tul-li* ‘кашлянуть’ < *tul-a* ‘кашлять’

б. *ħuk-ki* ‘отпить’ < *ħuk* ‘пить’

М. Тоско проводит параллель между счетностью у существительных и «предельностью» у глаголов и утверждает, что они являются подвидам ограниченности («boundedness»). Конечно, М. Тоско далеко не первый отмечает такую параллель (об этом см., например, [Mehlig 1994]). Однако, в отличие от предшествующих авторов, он показывает, как такая параллель работает в области словообразования в конкретном языке, где она достаточно

ясно выражена. К сожалению, он не указывает, какую интерпретацию имеют Семельфактивы от событий типа 'прийти', 'найти' (и имеют ли они таковую вообще), поэтому сложно судить, что именно имеет в виду автор под словом «предельность» («telicity»). Впрочем, мы можем предположить, что дело в естественной атомарности, которую мы обсудим в следующем подразделе статьи.

2.3. Об атомах

В связи с понятием семельфактива интересна работа [Rothstein 2008] и вводимое там понятие атома и естественной атомарности.

С. Ротштейн начинает свое рассуждение с того, что класс счетных существительных состоит из двух подклассов. Первый подкласс — это типичные счетные существительные типа *boy* 'мальчик' или *dog* 'собака'. Второй подкласс — это счетные существительные типа *wall* 'стена, стенка' или *bunch* 'букет, охапка'.

Два класса существительных различаются тем, насколько единица обозначаемого объекта задана самой семантикой существительного. Для первого подкласса очевидно, что является одним представителем объекта: понятно, что представляет собой один мальчик или одна собака, — это изначально заложено в семантике таких существительных.

Напротив, что считается одной стеной или одной охапкой цветов, зависит от контекста. С. Ротштейн приводит следующие примеры. Если мы с соседом вплотную построили стены перед нашими домами, мы можем объявить, что «мы вместе построили стену перед нашими двумя домами», а можем сказать, что «каждый построил по стене перед своим домом» (например, в зависимости от того, сколько стоит разрешение на постройку стены, есть ли налоговый вычет за постройку стены и т. п.). Аналогично, если взять охапку цветов и разделить ее между двумя людьми, то можно сказать, что у каждого по одной охапке цветов, а можно сказать, что у каждого по половине охапки.

Это различие С. Ротштейн объясняет с помощью понятия атома и естественной атомарности. Мы опустим формальные детали ее анализа и перескажем основную идею. Неформально говоря, атом — это нечто неделимое, некоторая **минимальная или принимаемая за минимальную** единица некоторой сущности. Счетные существительные обозначают атомы некоторой сущности. Например, *яблоко* — атомарная сущность, так как части яблока нельзя назвать *яблоком*: одно яблоко — это минимальная единица измерения яблок. Напротив, несчетные сущности, как, например, *суп*, не атомарны, так как части супа являются *супом*: нет «одного» супа, который был бы минимальной единицей измерения, которую было бы нельзя (с точки зрения языка) разделить дальше.

Естественная атомарность же заключается в следующем: денотат естественно атомарной сущности изначально, сам по себе дан в отдельных единицах, или атомах. Другими словами, само слово задает единицу измерения для обозначаемых объектов. Слова типа *boy* 'мальчик' или *dog* 'собака' естественно атомарны: мальчиков считают в мальчиках, а собак в собаках — это задается лексической семантикой слов. С другой стороны, слова типа *wall* 'стена', *bunch* 'охапка' не являются естественно атомарными: не существует естественной, ингерентной единицы измерения стен или охапок, а что считать за одну стену или охапку, зависит от контекста.

С. Ротштейн применяет понятие атома и естественной атомарности к глаголам. Она утверждает, что квантованность («telicity» в понимании [Krifka 1998]) связана с атомарностью: ситуация квантованная, когда задана конкретная единица измерения, которой она измеряется. У естественно атомарных ситуаций такая конкретная единица измерения задана сама по себе. Например, события типа *arrive* 'прибыть' естественно атомарны и могут употребляться как квантованные сами по себе, так как в них уже заданы атомы ситуации:

- (36) *John arrived in half an hour.*
 ‘Джон добрался за полчаса’. [Rothstein 2008: 48]

С другой стороны, процессы типа *run* ‘бежать’ не естественно атомарны и не могут сами по себе употребляться как квантованные (37a) и требуют эксплицитно заданной единицы измерения, например *a mile* ‘миля’ (37b).

- (37) а. *#Mary ran in ten minutes.*
 Ожид.: ‘Мэри сбегала (куда-то) за десять минут’.
- б. *Mary ran a mile in ten minutes.*
 ‘Мэри пробежала милю за десять минут’. [Rothstein 2008: 59]

Однако если процесс мультипликативный, как, например, *jump* ‘прыгать’, он все же может употребляться как квантованный сам по себе, без эксплицитного выражения единицы измерения. В таких контекстах такие глаголы обозначают семельфактивы (38b). С. Ротштейн объясняет это тем, что такие глаголы обозначают естественно атомарную ситуацию, в которой уже заложен естественный атом ситуации. При этом возможно употребление, когда глагол обозначает несколько атомов (38a).

- (38) а. *Mary jumped for ten minutes.*
 ‘Мэри попрыгала десять минут’. (наш пример)
- б. *Mary jumped in 15 seconds.*
 ‘Мэри прыгнула за 15 секунд’. [Rothstein 2008: 60]

Итак, атом — это **минимальная**, неделимая единица некоторой сущности. Естественно атомарные сущности и ситуации, такие как *мальчик* или *прыгать*, сами задают, что является атомом для них. Для сущностей и ситуаций, не являющихся естественно атомарными, таких как *стена* или *бегать*, что именно является атомом, задается контекстом.

2.4. Минимальная ситуация

Мы предлагаем следующее определение деривации семельфактива: семельфактив выделяет **минимальную по длительности ситуацию**, или, другими словами, атом ситуации. Рассмотрим, как это значение комбинируется с разными акциональными классами на примере описанных выше трех дериваций семельфактива.

Типичный пример семельфактива — это дериват от мультипликативного процесса. Такой процесс естественно атомарен, в его семантике уже содержится информация о неделимой минимальной единице — кванте, или атоме, этого мультипликативного процесса. Поэтому дериват от мультипликатива обозначает этот атом:

- (39) а. Финский [Armoškaitė, Koskinen 2008]
hup-ähtä-ä ‘прыгнуть’ < *hupätä* ‘прыгать’
- б. Гаввада [Tosco 2007]
tul~li ‘кашлянуть’ < *tula* ‘кашлять’
- с. Русский
мигнуть < *мигать*

Если ситуация — немultiпликативный процесс, то она не является естественно атомарной, а в семантике не содержится информации об атоме этой ситуации. В таких случаях семельфактив «создает» такой атом «сам» в зависимости от контекста. Другими словами,

оператор семельфактива вычленяет из всех ситуаций, которые можно назвать данным глаголом, минимальную по длительности.

- (40) а. Финский [Karlsson 1999: 239]
laul-ahta-a ‘попеть немного’ < *laulaa* ‘петь’
 б. Гаввада [Tosco 2007]
ʒuk~ki ‘отпить немного’ < *ʒuk* ‘пить’
 в. Русский
курнуть < *курить*

Если у ситуации есть инкрементальная тема, то минимальная по длительности ситуация будет давать семантический эффект «небрежной» реализации. Степень реализации таких ситуаций есть накопление эффекта по инкрементальной теме и зависит от длительности ситуации. Поэтому если длительность такой ситуации минимальна, то минимален и эффект: например, в (41а) чтение происходит с минимально необходимым вниманием, а в (41б) доение происходит с минимально необходимыми усилиями.

- (41) а. Финский [Armoškaitė, Koskinen 2008]
luk-ais-ta ‘прочитать невнимательно, проглядеть’ < *lukea* ‘читать’
 б. Гаввада [Tosco 2007]
sox~x- ‘подойти только один сосок’ < *sox-* ‘дойти’
 в. Русский
читнуть < *читать*

Семантика минимальной по длительности ситуации также объясняет ограничения, которые имеет деривация семельфактива. Например, семельфактивы невозможны с событиями:

- (42) а. Финский [Armoškaitė, Koskinen 2008]
*saav-ahta-a < *saapua* ‘прийти’
 б. Русский
*находнуть < *находить*

События мыслятся как мгновенные ситуации, не имеющие длительности (или имеющие нулевую длительность). Поэтому нельзя выбрать из всех возможных элементов экстенционала минимальный по длительности: между возможными событиями нет какой-либо разницы в длительности, так как длительности нет (или она одинаковая и равна нулю). Например, в (42) любое событие прихода или обнаружения чего-либо длится мгновение (ср. **Я прихожу две минуты*, **Я нахожу его две секунды*, но ^{OK}*Я хожу две минуты*, ^{OK}*Я иду два часа*). Поэтому разные возможные события прихода / обнаружения нельзя сравнить между собой по длительности и выбрать из них более короткое.

Семельфактивы невозможны и с вневременными состояниями (также называемыми состояниями индивидного уровня). Так как такие состояния находятся вне временного измерения и не имеют какой-либо длительности, оказывается невозможным получить минимальную по длительности ситуацию.

- (43) а. Финский [Armoškaitė, Koskinen 2008]
*tied-ähtä-ä < *tietää* ‘know’
 б. Русский
*понимнуть/понимануть/понянуть < *понимать*

В плане сочетаемости с эпизодическими состояниями семельфактивы различаются от языка к языку. В русском языке такие дериваты на *-ну* возможны только с дополнительными префиксами (подробнее о подобных дериватах см. [Nordrum 2020]):

(44) *grustitъ* > *grustnutъ, но *vzgrustnutъ*

В финском же дериваты от эпизодических состояний возможны. Они могут обозначать вхождение в состояние (45), как было уже указано выше. Однако встречаются случаи, не учитываемые в анализе С. Армошкайте и П. Коскинен, когда дериват от состояния обозначает краткое пребывание в состоянии (46).

(45) *Lapsi nuk-äht-i.*
ребенок спать-АНТА-PAST.3SG
'Ребенок **заснул**'. [Armoškaitė, Koskinen 2008: 5]

(46) *Ystävä viiv-äht-i.*
друг оставаться-АНТА-PAST.3SG
'Друг **побыл** [у меня]'. [Armoškaitė, Koskinen 2008: 7]

Возможно, здесь мы наблюдаем ситуацию, похожую на то, как развивались когнаты русского *-ну* в других славянских языках. В чешском и польском показатели *-nou* и *-nq* более активно используются как перфективирующие маркеры [Dickey 2001]: ср., например, чешские *lehnout, padnout* и польские *legnąć, padnąć* с параллельными им русскими перфективами *лечь* и *(у)насть*.

Другое объяснение может состоять в том, что финский показатель происходит из показателя инхоатива, как мокшанский показатель *-kst*, о котором мы будем говорить в следующем разделе. Впрочем, для окончательных выводов необходим более тщательный разбор большего объема глагольных основ, а также исследование истории показателей *-ahla/-aise*.

Итак, значение семельфактива — минимальная по длительности ситуация. Как мы показали выше, этот анализ наиболее полно описывает поведение деривации со всеми возможными акциональными типами, позволяет вывести конечную интерпретацию деривата, зная акциональную характеристику исходной основы, а также объясняет ограничения на сочетаемость деривации.

2.5. Сдвиг инхоатива в семельфактив

В пользу анализа семельфактива как минимальной ситуации также говорит пример мокшанского Семельфактива на *-kst(a)*.

В специальной литературе описания данного суффикса минимальны. Едва ли не единственное описание дается в [Цыганкин 1980], где автор выделяет два значения. Первое — это «сделать подобным корневому слову» (в современных терминах это, кажется, можно назвать каузативом): *кеме* 'крепкий' — *кеме-кста-мс* 'закрепить'. Второе — это «заниматься тем, что обозначает корневое слово»: *коз* 'кашель' — *коз-кста-мс* 'кашлянуть' [Цыганкин 1980: 121]. Однако такое краткое описание не позволяет нам сколько-нибудь глубоко понять семантику показателя, поэтому мы в дальнейшем будем опираться на собственные полевые данные. К тому же, как будет видно далее, семантика показателя, по крайней мере в исследованном нами говоре Темниковского района, расходится с тем, как ее описывает Д. В. Цыганкин.

Семантика мокшанского Семельфактива в целом такая же, как и у других семельфактивов. Дериваты от мультипликативных процессов обозначают атом такой ситуации:

(47) *brad-əz'ə koz-ksta-s' fes'ɨ'*
брат-1SG.POSS.SG кашлять-SMLF-PST.3SG один_раз
'Мой брат **кашлянул**'.

(48) *turn'ik-n'ε-n' esə pet'ε l'uka-ksc'*
турник-DIM-GEN в.1N П. качаться-SMLF.PST.3SG
'Петя **качнулся** на турнике'.

Деривация на *-kst* — это стандартный способ образовать глагол единичной ситуации от междометия или звукоподражания (ср. русские Семельфактивы от междометий и звукоподражаний типа *охнуть* < *ох*, *хлопнуть* < *хлоп*, *хряснуть* < *хрясь*):

- (49) *ava-s' uf-ksc' stakə rabota-t' ezdə*
 женщина-DEF ох-SMLF.PST.3SG тяжелая работа-DEF.GEN в.ABL
 'Женщина **вздохнула** от тяжелой работы'.
- (50) *mon šer'ft-in'ə bočke-t', vec' žol'd'ər'-ksc'*
 я качать-PST.1SG>3SG бочка-DEF.GEN вода.DEF бульк-SMLF.PST.3SG
 'Я толкнул бочку, и вода [в ней] **булькнула**'.

Дериваты от немультипликативных процессов могут иметь семантический эффект минимального результата (51)–(52) или минимальной интенсивности (53). Однако оба этих эффекта являются следствиями минимальной длительности ситуации: если что-то сыпалось недолго, то высыпалось немного; если что-то уменьшалось недолго, то уменьшилось оно в небольшой степени; если кого-то ругали недолго, то, вероятно, с малой интенсивностью.

- (51) *mešok-s' pra-s' i počf-s' pejer'-ksta-s' ez-də-nzə*
 мешок-DEF упасть-PST.3SG и мука-DEF сыпаться-SMLF-PST.3SG в-ABL-3SG.POSS
 'Мешок упал и из него **немного высыпалось** муки'.
- {Комментарий носителя: не до конца.}
- (52) *mus'k-in'ə panar-əz'ə-n' i son kir'-ksta-s'*
 стирать-PST.1SG>3SG рубашка-1SG.POSS.GEN и он уменьшиться-SMLF-PST.3SG
 'Постирали рубашку, она **немного села**'.
- (53) *d'ed'ε-z'ə s'uc'ə-ksta-z'ə l'ena-t'*
 мать-1SG.POSS ругать-SMLF-PST.3SG>3SG Л.-DEF.GEN
 'Мама **ругнула** Лену (за какую-то мелочь)'.

Если же Семельфактив образуется от состояния, то дериват имеет значение инхотатива, причем часто обозначает вхождение в ослабленное состояние.

- (54) *məz'ardə tu-s'-t' inžij-n'ə mon r'izna-kst-ən'*
 когда уйти-PST.3-PL гость-DEF.PL я грустить-SMLF-PST.1SG
 'Когда гости ушли, мне **взгрустнулось**'.
- {Комментарий носителя: если умерла мать, то такой глагол употребить нельзя.}
- (55) *s'er'et'-ksc' gr'ip-sə / *infarkt-sə*
 болеть-SMLF.PST.3SG грипп-IN инфаркт-IN
 'Приболел гриппом / *инфарктом'.

Однако часть носителей в примере (55) все же разрешают употребление и с аргументом *infarkt-sə* 'инфарктом'. Более того Семельфактив на *-kst* сочетается в инхотативном значении и с прилагательными без оттенка ослабленности:

- (56) *s'oks'ə-n' vas'an' ši-t'n'ə-n' ez-də*
 осень-GEN ранний день-DEF.PL-GEN в-ABL
lopa-t'n'ə t'užε-kstəm-s'-t'
 лист-DEF.PL желтый-SMLF-PST.3-PL
 'В ранние дни осени листья **стали желтеть**'.
- (57) *s'ovən'-c' l'ep-əl', kos'k-s', kemə-ksta-s'*
 глина-DEF мокрый-PQP.3SG высохнуть-PST.3SG твердый-SMLF-PST.3SG
 'Глина была мокрой, потом высохла и **затвердела**'.

Есть основания полагать, что деривация на *-kst* изначально имела значение инхоатива, а потом развила значение семельфактива. Во-первых, исторически показатель *-kst* есть сочетание транслатива на *-ks* и суффикса для образования глаголов *-t* [Серебрянников 1967: 222]. Во-вторых, в отличие от диалекта, который исследовали мы, в литературном варианте мокшанского языка подавляющее большинство глаголов с *-kst* имеют лишь значение инхоатива. Большая часть литературных дериватов на *-kst* образована от существительных (58) и прилагательных (59) (примеры взяты из газеты «Мокшень правда» и представлены в стандартной орфографии).

- (58) *Писатель-сь ялга-кст-сь Александр Николаевич Бучин-онь*
 писатель-DEF друг-SMLF-PST.3SG А. Н. Б.-GEN
мархта, сон Жуков-онь шофёр-оу-оль <...>
 с он Ж.-GEN шофер-3SG.POSS.SG-PQP.3SG
 ‘Писатель **подружился** с Александром Николаевичем Бучиным, он был шофером Жукова <...>’ [Лобанов В. «Кельгома Вася атя...» // Мокшень правда, 29.09.2011, № 38]
- (59) *Венгрия-ста ту-м-да меле Жанна-нь и Эдит-онь ётка*
 В.-EL уйти-INF-ABL после Ж.-GEN и Э.-GEN между
ялгакси-сь нинге сядонга кемо-кста-сь.
 дружба-DEF еще больше крепкий-SMLF-3SG
 ‘После отъезда из Венгрии дружба между Жанной и Эдит **стала** еще более **крепкой**’. [Вешкин И. Кода мокшень стирсь и венгеркась арасть ялгакс // Мокшень правда, 25.08.2011, № 33]

Также встречаются инхоативы и от глаголов: как от стативных предикатов (60), так и от динамических (61).

- (60) *Сярять-кст-сь фкя актёр-сь, и аш-ель*
 болеть-SMLF-PST.3SG один актер-DEF и NEG.EX-PQP.3SG
ки-нди налхк-омс герой-ть Васенька-нь рол-енц.
 кто-ДАТ играть-INF герой-DEF.GEN В.-GEN роль-3SG.POSS.SG.GEN
 ‘**Заболел** один актер и некому было играть роль Васеньки’. [Волгапова А. Ролензон эса маряви мокшэрзянь // Мокшень правда, 16.02.2015]
- (61) *Радио-са аз-озь — лий-кста-сь космос-у*
 радио-IN рассказать-PST.3PL>3SG лететь-SMLF-PST.3SG космос-LAT
омбоце космонавт-оньке Герман Титов.
 второй космонавт-1PL.POSS Г. Т.
 ‘По радио сообщили: **полетел** в космос второй наш космонавт Герман Титов’. [Тяпаев А. Толонь и ведень пачк // Мокшень правда, 21.04.2011, № 15]

Некоторые дериваты в литературном языке все же имеют значение семельфактива, но их меньшинство.

- (62) *Тядя-зе кяжси сельмованф-са варжа-кст-сь*
 отец-1SG.POSS.SG злой взгляд-IN посмотреть-SMLF-PST.3SG
ланг-озо-н и мярьг-сь <...>
 на-ILL-1SG.POSS и говорить-PST.3SG
 ‘Отец зло **взглянул** на меня и сказал <...>’ [Корчеганов В. Н. Сёрматфнеса, учса, мо-рафнеса // Мокшень правда, 24.05.2012, № 20]
- (63) *Весть шир-езо-нк сува-сь сер-ес аф оцю аля,*
 однажды сторона-ILL-1PL.POSS войти-PST.3SG рост-ILL NEG большой мужик
шумбра-кст-сь сембо-нь мархта <...>
 здравствуй-SMLF-PST.3SG все-GEN с
 ‘Однажды на нашу сторону зашел невысокий мужик, **поздоровался** со всеми <...>’ [Тяпаев А. Кит сашендсть «Мокшень правда» // Мокшень правда, 25.10.2012, № 42]

По всей видимости, диалект, который мы исследовали, пошел дальше по пути грамматикализации инхоатива в сторону семейфактива, а литературный вариант представляет собой более раннюю стадию грамматикализации показателя.

Мы видим следующую возможную историю развития *-kst*. Изначально это был показатель инхоатива, как в дериватах типа *jalga-kst* ‘подружиться’ (< *jalga* ‘друг’) или *s'er'et'-kst* ‘заболеть’ (< *s'er'ed'* ‘болеть’). Развитие показателя в сторону семейфактива началось с глаголов звука, образованных от междометий и звукоподражаний типа *šumbra-kst* ‘поздороваться’ (< *šumbrat* ‘привет’) и *ij-kst* ‘охнуть’ (< *ij* ‘ох’). Эту семантическую близость инхоативов и семейфактивов от глаголов звука замечали и другие исследователи (см., например, [Vasz 2012]). В мокшанском языке глагол без показателя множественности употребляется только в значении единичной ситуации [Козлов 2018], так что при повторении ситуации был бы обязателен показатель множественности и исход глагольной основы выглядел бы как *-ksn* (< *-kst + -n*).

Затем показатель распространился на дериваты от мультипликативов типа *koz-ksta* ‘кашлянуть’ (< *koz* ‘кашлять’) и *tərnat-kst* ‘вздрыгнуть’ (< *tərnat* ‘дрожать’). Если кто-то только начал кашлять или дрожать, то, скорее всего, осуществился только один или несколько атомов соответствующей ситуации. Если бы осуществилось много таких квантов, то, согласно принципу кооперации и максиме количества [Grice 1975], как самое информативное высказывание говорящий выбрал бы не сообщение о начале ситуации «он начал кашлять», а обычное сообщение о множественной ситуации «он кашлял» без показателя *-kst*. Далее с этим значением минимальной ситуации деривация распространилась на другие глаголы.

Инхоатив обозначает начальную фазу ситуации, то есть точку в ее начале. Эта точка в то же время является минимальной ситуацией, что сближает инхоатив с семейфактивом. Описанный случай грамматикализации показателя инхоатива в семейфактив поддерживает наш анализ семейфактива как минимальной ситуации: неясно, как начало ситуации могло бы грамматикализироваться просто в квант мультипликативной ситуации или просто в неопределенное событие. Подобный случай грамматикализации инхоатива в семейфактив наблюдается и в других языках — например, таков показатель *-psej* в нанайском (см. [Оскольская, Стойнова 2012]).

2.6. Выводы

Итак, мы обсудили деривацию семейфактива. В подразделах 2.1–2.2 мы рассмотрели подходы к анализу семейфактива, предложенные в литературе. Введя понятие атома и естественной атомарности в подразделе 2.3, в подразделе 2.4 мы предложили анализ семейфактива как акционального преобразователя, вводящего **минимальную по длительности ситуацию**, и показали, как такое определение объясняет все наблюдаемые интерпретации с разными акциональными типами. Дополнительным аргументом в пользу такого анализа служат случаи развития у показателя инхоатива, обозначающего начальную, а затем и минимальную стадию ситуации, значения семейфактива, как в подразделе 2.5.

3. Делимитатив

В данном разделе мы рассмотрим деривацию делимитатива в типологической перспективе. В подразделе 3.1 мы обсудим два подхода к понятию делимитатива в славянских языках. В подразделе 3.2 мы рассмотрим деривации делимитатива в неславянских языках: горномарийском и чувашском. В подразделе 3.3 мы предложим свой анализ делимитатива

и покажем, как из него выводятся наблюдаемые интерпретации в зависимости от аспектуального класса, а также обсудим варьирование дериваций делимитатива в разных языках. В подразделе 3.4 мы подведем итоги.

3.1. О понятии делимитатива

Большая часть исследований делимитатива была проведена на материале славянского Делимитатива на *po-*. Можно выделить два подхода к этой деривации.

Первый подход — скалярный, согласно которому делимитатив обозначает, что некоторый параметр в структуре ситуации имеет значение ниже нормального, ожидаемого. Примером такого подхода может послужить работа [Piñón 1994], посвященная польскому Делимитативу. В ней К. Пиньон показывает двойственность аспектуальной характеристики показателя.

С одной стороны, Пиньон показывает, что Делимитатив обозначает ограниченную ситуацию и тем самым схож с другими префиксальными глаголами Совершенного вида. Например, Делимитативы так же, как прочие глаголы Совершенного вида, реферируют к ситуации в будущем в синтетической форме непрощедшего времени (64) и не сочетаются с фазовыми глаголами типа *zacząć* ‘начать’, *przestać* ‘перестать’, *skończyć* ‘закончить’ (65).

(64) *Bożena poczyta gazetę.*

Б. почитает газету

‘Божена почитает / (*сейчас читает) газету’. [Piñón 1994: 349]

(65) **Irenka nagle przestała popić mleka /mleko.*

И. вдруг перестала попить молока молоко

Букв. «Ира вдруг перестала попить молоко». [Piñón 1994: 350]

С другой стороны, как отмечает Пиньон, Делимитативы обозначают процессы, имеющие длительность, а не мгновенные события. Этим они схожи с глаголами Несовершенного вида. Например, Делимитативы так же, как и глаголы Несовершенного вида, сочетаются с выражениями длительности ситуации (66) и не сочетаются с наречиями, указывающими на результирующее состояние, такими как *prawie* ‘почти’ (67).

(66) *Bożena poczytała gazetę dwadzieścia minut.*

Б. почитала газету двадцать минут

‘Божена почитала газету двадцать минут’. [Piñón 1994: 352]

(67) **Irenka prawie poczytała gazetę.*

И. почти почитала газету

Букв. «Ира почти почитала газету». [Piñón 1994: 353]

Также Пиньон замечает, что польский Делимитатив совместим только с контролируруемыми процессами:

(68) a. *Dziecko poleżało na stole.*

дитя полежало на столе

‘Ребенок полежал на столе’.

b. **Książka poleżała na stole.*

книжка полежала на столе

‘Книжка полежала на столе’.

К. Пиньон предлагает анализ Делимитатива как производной функции меры — такой функции, которая содержит в себе некоторую функцию меры. В случае Делимитатива это некоторая мера от длительности ситуации. По Пиньону *po-* принимает агентивный процесс

и указывает на то, что по некоторому параметру μ длительность процесса меньше ожидаемого значения.

Схожий анализ представлен в [Filip 2000] для русского языка. По существу анализ Х. Филип отличается только в двух аспектах. Во-первых, в ее анализе параметр не обязательно привязан ко времени. Во-вторых, значение этого параметра не строго меньше нормального значения, то есть может быть не только меньше, но и равно ему.

Скалярный анализ делимитатива хорошо описывает обычные употребления *по-*типа (69), где ситуация действительно меньше нормального значения.

(69) *Зажмурился, поседел немного с закрытыми глазами, снова глянул в воду и отстриг кусочек правого.* [Сергей Козлов. Как Ёжик с Медвежонком спасли Волка // «Мурзилка», 2003]

Однако, как показывают примеры (70) и (71), дериваты на *по-* употребляются с наречием *воволь*, обозначающим, что степень реализации ситуации равна нормальной, а не меньше ее. Скалярный анализ плохо совместим с такими употреблениями. К тому же, иногда возможны употребления типа (72), где степень реализации ситуации больше, чем нормальная.

(70) *В сауне, воволь попотев в жаркой парной, (...) финн благодушно разговорится с вами, сидя в гостинной за кружкой холодного пива.* (Пример из интернета, цит. по [Федотов, Чуйкова 2013: 178])

(71) *Когда я писала роман «Белая голубка Кордовы» — о гениальном поддельщике картин, — мне пришлось воволь пошататься по закоулкам и лавочкам Старгорода.* [Дина Рубина. Медная шкатулка (2011–2015)]

(72) *Зарабатывая большие деньги, он большую часть их расходовал на еду, вот и сынок вышел в папашу не только лицом, но и умением хорошо и много поесть.* [Николай Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое (1930–1935)]

Другой подход к делимитативу — аспектуальный, согласно которому делимитатив — это оператор, который содержит исключительно семантику перфектива и не добавляет результирующего состояния.

В [Dickey, Hutcheson 2003] предлагается сравнение делимитативных дериваций в русском, чешском и польском. Как показывают параллельные примеры в (73), в русском Делимитатив невозможен в контексте, когда выраженный Делимитативным глаголом процесс в дальнейшем продолжается, тогда как в чешском и польском такое употребление возможно.

(73) а. **Мы поседели в приемной час и в пять часов еще продолжали здесь сидеть.* [Русский]

б. *Posěděli jsme hodinu v recepci a ještě o páté jsme tam seděli.* [Чешский]

с. *Posiedzieliśmy godzinę i o piątej jeszcze tutaj siedzieliśmy.* [Польский]

Как объясняют авторы, по значению Совершенного вида славянские языки делятся на два ареала — восточный (все восточнославянские языки и болгарский) и западный (остальные славянские языки). Дики и Хатчесон утверждают, что в западном ареале, к которому относятся чешский и польский, Совершенный вид обозначает то, что они назвали цельностью («totality»), т. е. концептуализацию ситуации как «неделимого целого». Это определение сродни понятию квантованности в [Grifka 1998].

В восточном ареале, как пишут Дики и Хатчесон, Совершенный вид обозначает временную определенность («temporal definiteness»). Ситуация обладает временной определенностью, если она уникальна во временной структуре дискурса, т. е. концептуализируется как единое целое и качественно отличается от предыдущего и последующего положения вещей [Dickey, Hutcheson 2003: 28].

Первый пример такой разницы, который приводят Дики и Хатчесон, — это хабитуальные контексты. В языках западного ареала нормально использовать в таких контекстах Совершенный вид (74а): единственное необходимое условие цельности здесь соблюдается, и ситуация квантованная. В языках же восточного ареала почти всегда используется Несовершенный вид (74b): хабитуальная ситуация повторяется, и поэтому ее нельзя понять как уникальную во времени. При этом, если ситуация встроена в некоторую цепочку, она оказывается уникальной внутри этой цепочки, поэтому Совершенный вид оказывается приемлемым (75).

(74) а. *Vypije_{CB} jednu skleničku vodky denně.* [Чешский]

б. *Каждый день он *выьет_{CB} / выпивает_{НСВ} по одной рюмке водки.* [Русский]

(75) *Он всегда так: выьет_{CB} кофе и пойдет_{CB} на работу.*

Другой пример, который приводят авторы, — общефактические контексты. В языках западного ареала Несовершенный вид не может оформлять единичное событие (76а): в таких контекстах ситуация всегда концептуализируется как законченная, цельная, поэтому обязателен Совершенный вид. В языках же восточного ареала типично употребление Несовершенного вида (76b): условие цельности не так важно в системах восточного типа, но зато важно то, что факт в (76b) не имеет уникальной локализации во времени, что необходимо для употребления Совершенного вида в таких языках.

(76) а. *Jednou už dostal_{CB} / *dostával_{НСВ} napomenutí za zpoždění.* [Чешский]

б. *Однажды он уже получил_{НСВ} выговор за опоздание.* [Русский]

Итак, вернемся к примеру (73) с Делимитативами, представленному выше. В случае чешского и польского единственное необходимое для употребления Делимитатива условие цельности соблюдается. Ситуация сидения концептуализируется как неделимое целое, т. е. квантованна, благодаря обстоятельству длительности *hodinu / godzinę* ‘час’, поэтому Совершенный вид употребим. В случае же русского условие уникальности не соблюдается: последующее сидение не отличается качественно от сидения, обозначаемого формой *посидели*. Поэтому в русском языке Совершенный вид в этом случае неупотребим.

На связь между характером Совершенного вида и характером Делимитатива в конкретных славянских языках указывают и факты диахронии. Как показывают Дики и Хатчесон, в русском и болгарском распространение делимитативного *по-* совпадает по времени с несколькими инновациями в области видовой оппозиции, произошедшими в XVII в. и сделавшими восточный Совершенный вид отличным от его западного коррелята.

Изначально приставки лишь подчеркивали естественный предел ситуации. Когда видовая оппозиция распространилась на все типы ситуации и стала обозначать временную определенность, образовалась потребность в перфективизаторе для ситуаций без естественного предела, так как такие ситуации тоже необходимо было встраивать в нарративную цепочку. Делимитатив заполнил эту лауну и стал основным перфективизатором: в современном русском *по-* — самая частотная приставка для образования Совершенного вида. С другой стороны, в языках западного ареала такой потребности не появилось. Поэтому в этих языках показатель Делимитатива употребляется реже. Итак, согласно Дики и Хатчесон, Делимитативная семантика *по-* является следствием более полной грамматикализации видовой оппозиции в русском языке, а Делимитатив функционирует в основном как нейтральный перфективизатор.

На аспектуальный характер Делимитатива указывают и ограничения сочетаемости. Как показывают М. Л. Федотов и О. Ю. Чуйкова [2013], Делимитатив не сочетается с событиями (77)–(78). Исследователи объясняют это тем, что Делимитатив обозначает, что реализуется только срединная стадия ситуации, а у событий этой срединной стадии нет.

(77) *находить* > *понаходить (книгу)

(78) *приходить* > *поприходить (в единичном значении)

Другое ограничение, выделяемое Федотовым и Чуйковой, — возможность концептуализации «идеальной» ситуации как прерываемой. Так как, по их определению, Делимитатив обозначает прерванную, незавершенную ситуацию, то эту ситуацию должно быть возможно прервать. Поэтому с Делимитативом не употребляются глаголы, которые обозначают ситуацию, предполагающую обязательное достижение естественного предела (79). При этом такие глаголы, как в (80), употребимы в актуально-длительной интерпретации (*Что ты делаешь? — Выдаю книгу Васе.*), поэтому следует полагать, что срединная фаза у них все же есть.

(79) *расстрелять* > *порасстреливать (в единичном значении)

(80) *выдавать* > *повыдавать (книгу) (в единичном значении)

К классу глаголов, которые не соответствуют этому ограничению, относятся также вневременные состояния, или состояния индивидуального уровня: эти ситуации нельзя прервать, так как они находятся вне временного измерения.

(81) *картавить* > *покартавить

Федотов и Чуйкова обобщают это ограничение так: чтобы употребляться с Делимитативом, ситуация должна быть внутренней «ненацеленной». Внутренне «ненацеленной» они называют такую ситуацию, где отсутствует интенция участника или внутренняя тенденция достичь естественного предела.

К схожему обобщению приходят К. Л. Киселева и С. Г. Татевосов и называют такое свойство ситуации внутренней гомогенностью [Kisseleva, Tatevosov 2011; Tatevosov 2015]. Это свойство заключается в том, что у ситуации отсутствует причинная и временная упорядоченность. Другими словами, не должно быть так, что ситуация делится на подситуации и при этом существует ровно одна начальная подситуация и для каждой подситуации существует ровно один исход.

Это ограничение справедливо, однако у Киселевой и Татевосова оно существует как бы отдельно от семантики Делимитатива, которую они описывают как стандартную семантику перфектива. Непонятно, почему Делимитатив имеет именно это ограничение, а не другое. Федотов и Чуйкова же связывают его с семантикой Делимитатива. Согласно их описанию, Делимитатив значит, что реализуется только срединная стадия ситуации. Именно поэтому должна наличествовать срединная стадия и должно быть возможно, чтобы она имела место без реализации конечной стадии.

Впрочем, анализ Федотова и Чуйковой не объясняет употребления *по-*, который образует так называемый видовой коррелят: авторы не ставили такой цели. В подразделе 3.3 мы предпримем попытку приблизиться к семантике для *по-* и подобных ему показателей, которая бы позволила нам охватить и такие употребления. В следующем же подразделе мы опишем примеры делимитатива вне славянского ареала.

3.2. Делимитатив в других языках

Делимитативные деривации встречаются не только в славянских языках. Один из примеров делимитатива — показатель Аттенуатива на *-all/-alall/-ǎldal* в горномарийском языке.

В литературе по марийским языкам показателям Аттенуатива посвящены лишь короткие упоминания. Перечисляя аспектуальные аффиксы горномарийского языка, А. А. Саваткова описывает дериваты с показателем *-all/-ǎl* как «однократно-моментальные глаголы

с уменьшительно-ласкательным значением», а дериваты на *-âldal/-âldâl* — как «многократные глаголы незначительного действия» [Саваткова 2002: 209, 212, 215]. И. С. Галкин, описывая суффиксы *-al/-âl*, *-alt/-âlt* и *-âld/-âld*, дает им схожую характеристику, однако ему больше интересна история этих суффиксов [Галкин 1966: 94–95, 122–129]. Поэтому дальнейшее описание горномарийского Аттенуатива будет основано на наших собственных полевых данных (также см. [Макаруч 2019]).

Эти показатели находятся в дополнительной дистрибуции. Показатель *-al* употребляется только с многосложными основами. Показатели *-alal* и *-âldal* употребляются с односложными основами в зависимости от типа спряжения.

Горномарийский Аттенуатив полисемичен.

Одна из часто воспроизводимых интерпретаций — лимитатив, «длительная, но ограниченная во времени ситуация» по [Плунгян 2011: 396]:

- (82) *ovošč-vlâ-m lu minut nârë šolt-alal-aš kel-eš*
 овощ-PL-ACC десять минута около варить-ATT-INF надо-NPST.3SG
 ‘Овощи нужно **поварить** минут десять’.

При этом длительность обязательно должна быть меньше нормальной. Если в предложении прямо указана длительность, равная нормальной для данной ситуации или превышающая ее, то возникает противоречие и предложение оказывается неграмматичным.

- (83) {Ситуация: нужно проработать шесть часов.}
 а. *vas'a kok cäš vele rovojaj-al-ân*
 В. два час лишь работать-ATT-PRF.3SG
 ‘Вася **поработал** всего лишь два часа’.
 б. **a pet'a kändäkš cäš väk rovojaj-al-ân*
 а П. восемь час даже работать-ATT-PRF.3SG
 Ожид.: ‘А вот Петя **поработал** целых восемь часов!’

Более того, горномарийский Аттенуатив несовместим с интерпретацией, при которой ситуация достигает естественного предела. Поэтому он не сочетается с такими наречиями, как ‘сразу’, ‘залпом’, ‘за раз’, требующими такой интерпретации⁵, несмотря на то, что длительность ситуации меньше нормальной:

- (84) **a pet'a ikänä-štë roman-xälä lâd-âldal-ân*
 а П. один_раз-IN роман-целиком читать-ATT-PRF.3SG
 Ожид.: ‘А Петя залпом **прочел** весь роман’.

Другая регулярная интерпретация — вхождение в краткое состояние: участник ситуации достигает некоего состояния, но длится оно недолго, после чего он возвращается в исходное состояние:

- (85) *ât'ä-m kečëvâl pašte tokâ-na pâr-alal'-â*
 отец-POSS.1SG полдень после домой-POSS.1PL прийти-ATT-AOR.3SG
 ‘Отец полудни **заскочил** (= **зашел ненадолго**) домой’.

Здесь длительность состояния также должна быть короткой. Поэтому показатель Аттенуатива невозможно употребить, если состояние необратимо (86) или его длительность равна или больше нормальной (87):

- (86) *män' täng-em-län ručk-âm / *podark-âm pu-alal'-âm*
 я друг-POSS.1SG-ДАТ ручка-ACC подарок-ACC дать-ATT-AOR.1SG
 ‘Я **одолжил** (= **дал ненадолго**) другу ручку / *подарил другу подарок’.

⁵ Ср. русские предельный *съесть* и непредельный *поесть*: ^{OK}*сразу* / ^{OK}*за пять минут съел суп* vs. ^{??}*сразу* / ^{??}*за пять минут поел суп*.

- (87) *män' väc minut-eš / *väc ärn'ä-eš pâr-alal'-äm*
 я пять минута-ЛАГ пять неделя-ЛАГ прийти-АТТ-АОР.1SG
 'Я **заскочил** на пять минут / ***приехал** на пять недель'.

И наконец, Аттенуатив может обозначать, что ситуация реализована частично. Это может проявляться в малой степени выраженности результирующего состояния (88) или в частичности задействованности актанта (89).

- (88) *kängäžäm män' okn'a-vlä-m pač-äldal-än kod-em*
 летом я окно-PL-ACC открыть-АТТ-CVB оставить-NPST.1SG
 'Летом я оставляю окна **приоткрытыми**'.

- (89) *stöl väl-nä kol šänz-ä*
 стол на-IN рыба сидеть-NPST.3SG
 'На столе лежит рыба'.

a. *kačk-äldal'-äm dä jäl-län kod-äšäm*
 есть-АТТ-АОР.1SG и люди-ДАТ оставить-АОР.1SG
 'Я [рыбу] поела (чуть-чуть) и другим оставила'.

b. **kačk-äldal'-äm dä šä-m kodə*
 есть-АТТ-АОР.3SG и NEG.АОР-1SG оставить-CN
 Ожид.: 'Я [рыбу] поела (чуть-чуть) и ничего не оставила'.

В чувашском языке есть похожая деривация с легким глаголом *il-* 'брать' [Шлуинский 2006]. Она имеет схожий с горномарийским Аттенуативом набор интерпретаций. Как показывает А. Б. Шлуинский, интерпретация деривата зависит от акциональности исходного глагола. Если глагол имеет так называемую «непредельную интерпретацию», т. е. может обозначать состояние или процесс, то в сочетании с *il-* он получает лимитативную интерпретацию:

- (90) *ivan čirle-se il-č-ě*
 Иван болеть-CONV братъ-PST-3
 'Иван немного поболел'.

- (91) *kupästa šer-se il-č-ě*
 капуста гнить-CONV братъ-PST-3
 'Капуста немного погнила'.

Если глагол имеет так называемую «предельную интерпретацию», т. е. является событием, то дериват от него обозначает вхождение в короткое состояние, или, как его описывает Шлуинский, антирезультатив:

- (92) *šuta süin-se il-č-ě*
 свет гаснуть-CONV братъ-PST-3
 'Свет погас и снова загорелся'.

Единственное отличие чувашской деривации заключается в поведении дериватов от мультипликативных глаголов. Вместо ожидаемой лимитативной интерпретации дериват имеет значение кванта мультипликативной ситуации. Впрочем, далее мы отметим, как такая, на первый взгляд, аберрация легко встраивается в значение делимитатива.

- (93) *šiv tumla-sa il-č-ě*
 вода капать-CONV братъ-PST-3
 'Вода (один раз) капнула'.

3.3. Порция ситуации

Мы предлагаем следующее определение: делимитатив выделяет **неконечную порцию ситуации**⁶. Рассмотрим подробнее, как такое определение работает с разными акциональными классами и как выводятся наблюдаемые интерпретации.

Если исходная основа — состояние или процесс, то делимитатив обозначает, что это состояние или процесс началось и имело место некоторое время, а потом прекратилось.

(94) а. Русский

подышать < *дышать*

почитать < *читать*

б. Горномарийский (собственные полевые данные)

šül-älül'-ä 'подышал немного' < *šül-äš* 'дышал'

läd-äldal'-ä 'почитал' < *läd-ä* 'читал'

с. Чувашский [Шлуинский 2006]

šivär-sa ilčë 'немного поспал' < *šivär-čë* 'спал'

šer-sa ilčë 'немного погнила' < *šer-čë* 'гнила'

При этом примеры типа (93), где дериват от мультипликативного процесса обозначает один квант ситуации, легко встраиваются в такой анализ. Один квант мультипликативного процесса — это тоже порция этого процесса, пусть и важный частный случай, и количество квантов зависит от того, какая интерпретация более адекватна прагматически.

Уточнение, что порция неконечная, необходимо для того, чтобы указать, что оператор делимитатива не может обозначать окончание ситуации, которая имела место до этого, например, как в глаголе *дописывать*. Неформально говоря, делимитатив не может обозначать вторую половину ситуации, только первую. При этом оказывается не нужной апелляция к фазам ситуации в том смысле, что нам не нужно знать, что является срединной фазой ситуации и есть ли она в структуре ситуации.

Когда делимитатив «берет» порцию ситуации, в ассерции нет информации о какой-либо результирующей фазе. Однако в правильном контексте или при правильном глаголе такая информация может добавляться в результате коэрсии, как в случаях употребления глагола с наречием *вдоволь* в примерах (70)–(71) выше.

Подобным образом с помощью механизма имплицатуры можно объяснить также случаи глаголов типа *поест* и *попросит*. Дело в том, что для таких глаголов порция ситуации сама по себе является полноценной ситуацией. Если произошла порция ситуации поедания, то какое-то поедание уже завершено, так как этот глагол инкрементален. Как правило, такой глагол обозначает частичную ситуацию (95а), но это происходит потому, что есть альтернативный глагол, имеющий в своей ассерции результирующее значение (95б). В других контекстах делимитатив может обозначать просто факт поедания (95с). Порция ситуации *просит* оказывается полноценной по другой причине: это глагол, обозначающий попытку действия, поэтому если произошла хотя бы одна попытка, то можно считать, что попытка имела место.

(95) а. *Я поел пирог,* ^{OK}*но он еще остался* / [?]*и его больше нет.*

б. *Я съел пирог,* [?]*но он еще остался* / ^{OK}*и его больше нет.*

с. *Ты поел?* — *Я поел и наелся.*

⁶ Мы благодарим анонимного рецензента за помощь в уточнении формулировки этого значения.

Как представляется, в подобной логике можно объяснить многие «видовые пары» на *po-* типа *грузить* — *погрузить*. Так как в значении *po-* нет указания на результирующее состояние, он позволяет образовывать глаголы Совершенного вида от глаголов, у которых нет результирующей фазы в структуре ситуации (ср. обсуждавшееся выше объяснение Дики и Хатчесон *po-* как нейтрального перфективизатора в разделе 3.1 и [Dickey, Hutcheson 2003]). При этом, если говорящий употребляет глагол Совершенного вида, обозначающий порцию ситуации, вместо глагола Несовершенного вида, по максиме количества [Grice 1975] появляется импликатура, что ситуация закончилась и завершилась некоторым результатом — иначе был бы использован менее информативный глагол Несовершенного вида. Таким образом, результирующая фаза — это просто закрепившаяся импликатура.

В этом месте проявляется разница между русским и горномарийским делимитативом. По всей вероятности, в горномарийском «частичность» ситуации обязательна (см. (89) выше).

При анализе делимитатива как неконечной порции ситуации легко объяснить, почему он не образуется от вневременных состояний и вхождений в них. Дело в том, что взять порцию от такого вневременного состояния невозможно: оно не делится на какие-либо части. Примеры типа (96)–(97) выглядят странно и требуют реинтерпретации состояния как временного: чтобы был употребим делимитатив, глагольные основы в (96) и (97) нужно переинтерпретировать как обозначающие временные состояния «притворяться, что шепелявишь» и «вести себя, как мариец» соответственно.

(96) ^{??}*Вася пошепелявил час, а потом перестал.*

(97) [?]*tādä marəŋ ä-l-äldal'-ä dä vara rušəŋ li-n*
 тот мариец быть-АТТ-АОР.3SG и потом русский стать-PRF.3SG
 'Он **побыл** марицем, а потом стал русским'.

Делимитативы от событий в разных языках ведут себя по-разному. В русском такие дериваты невозможны (в единичной интерпретации), тогда как по-марийски и по-чуваши они обозначают, что результирующее состояние данного события вскоре прекратилось.

(98) а. Русский

*ноприходить < *приходить* (в единичном значении)

*норасстреливать < *расстреливать* (в единичном значении)

б. Горномарийский (собственные полевые данные)

pər-älal'-ä 'заскочил' < *pər-äš* 'зашел'

pışt-äläl'-ä 'положил ненадолго' < *pışt-äš* 'положил'

с. Чувашский [Шлуинский 2006]

sün-se ilčë 'погас и снова вспыхнул' < *sünčë* 'погас'

šuxal-sa ilčë 'потерялся и нашелся' < *šuxalčë* 'потерялся'

Возможно, языки различаются тем, какие части ситуации доступны делимитативу. В русском делимитатив не может модифицировать результирующее состояние, поэтому порцию от события выделить не получается. В горномарийском и чувашском же, по всей видимости, частью ситуации, доступной оператору делимитатива, является и ее результирующее состояние, поэтому в этих языках делимитатив может выделить порцию этого состояния.

3.4. Выводы

Итак, мы обсудили деривацию делимитатива. В разделе 3.1 мы рассмотрели трактовки делимитатива, предложенные в литературе для славянских языков. В разделе 3.2 мы описали две деривации делимитатива вне славянского ареала. И наконец, в разделе 3.3 мы предложили анализ делимитатива как неконечной порции ситуации и показали, как такое определение предсказывает наблюдаемые интерпретации с разными акциональными классами.

4. Заключение

Подведем итоги. В данной статье мы рассмотрели деривации семельфактива и делимитатива в типологической перспективе и обсудили предлагаемые в литературе описания этих дериваций. Описав поведение дериватов в зависимости от акциональной характеристики исходной основы, мы пришли к следующим ядерным значениям семельфактива и делимитатива.

Семельфактив обозначает **минимальную по длительности ситуацию, атом** некоторой ситуации. Если дериват образуется от мультипликативного процесса (как, например, *кашлянуть* от *кашлять*), то конечная интерпретация деривата — один квант, или подситуация, множественной, мультипликативной ситуации: в семантике мультипликативного процесса уже задан атом этой ситуации, поэтому семельфактиву остается только его «предъявить». Если исходная основа — немultipликативный процесс, то ситуация не имеет естественных атомов в своей семантике и семельфактив пытается самостоятельно построить такую минимальную по длительности ситуацию соответственно контексту (как, например, *курнуть* от *курить*). Так как семельфактив обозначает минимальную ситуацию, он не образуется от событий в силу того, что события не имеют длительности (или, в иной трактовке, имеют нулевую длительность) и их оказывается невозможным сравнить между собой по этому параметру. Также невозможны семельфактивы от вневременных состояний, так как у таких состояний не выделяется длительность в структуре ситуации. Что касается образования семельфактивов от других типов состояний, языки в этом отношении демонстрируют вариативность.

Делимитатив обозначает **неконечную порцию ситуации**. Если дериват образуется от процесса или состояния, то он обозначает ситуацию, которая началась и имела место некоторое время (например, *почитать* от *читать*). Если любая часть ситуации приводит к желаемому результату, то такой дериват является полноценной ситуацией (ср. *Ты поел?* — *Я поел и наелся*), хотя это зависит от языка. Если порция ситуации не приводит к результату (например, потому что процесс инкрементальный), то делимитатив обозначает частичную ситуацию (ср. *Вася пописал письмо, ?? и написал / ОКно не закончил*). Аналогично семельфактивам, оказываются невозможны делимитативы от вневременных состояний, так как у таких состояний не выделяется какая-либо четкая длительность в структуре ситуации. Что касается образования делимитативов от событий, то по данному параметру языки различаются. Если делимитативы от событий все же образуются, то они означают, что результирующее состояние данного события в скором времени прекратилось (например, горномарийское *pu-alal* — ‘одолжить (= дать на время)’ от *pu* — ‘дать’) — таким образом, делимитатив берет порцию результирующего состояния.

Исследователю, который не изучал глубоко словообразовательные аспектуальные показатели, может на первый взгляд показаться, что их интерпретации идиосинкратичны и мало предсказуемы. Однако, как показывает наше исследование, если хорошо определить семантику деривационного показателя, то конечную интерпретацию деривата предсказать из семантики исходной основы оказывается возможным, а кажущийся хаос

словообразования превращается в не лишённую стройности систему. Семантика аспектуальных показателей представляет собой обширную область для возможных будущих исследований, в которой многое ещё остается неизученным.

Область глагольного вида неоднородна, и одной из ее составляющих является затронутая в этой статье область **глагольной меры** — значения, выражающие некоторую меру или степень ситуации по тому или иному параметру. Мы выражаем надежду, что больше исследователей обратят внимание на этот раздел аспектологии, что позволит углубить наше понимание того, чем является глагольный вид и из каких компонентов он состоит.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо

ABL — аблатив

ACC — аккузатив

ANTA, AISE — финский Глагольный Диминутив

AOR — горномарийский Аорист

ATT — горномарийский Атенуатив

CN — конегатив

CONV, CVB — деепричастие

DAT — датив

DEF — определенность

DIM — диминутив

EL — элатив

F — женский род

GEN — генетив

ILL — иллатив

IN — инессив

INF — инфинитив

LAT — латив

M — мужской род

MOM — хантыйский Моментатив

NEG — отрицание

NEG.EX — экзистенциальное отрицание

NPST — непрошедшее время

PART — партитив

PAST — прошедшее время

PL — множественное число

PLUR — Плюратив в языке гаввада

POSS — посессивность

PRF — горномарийский Перфект

PST — прошедшее время

PPR — Второе Прошедшее время в мокшанском

SG — единственное число

SING — Сингулятив в языке гаввада

SMLF — семьяфактив

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Булыгина 1982 — Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке. *Семантические типы предикатов*. Селиверстова О. Н. (отв. ред.). М.: Наука, 1982. [Bulygina T. V. Towards a typology of predicates in Russian. *Semanticheskie tipy predikatov*. Seliverstova O. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1982.]
- Галкин 1966 — Галкин И. С. *Историческая грамматика марийского языка*. Т. 2. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1966. [Galkin I. S. *Istoricheskaya grammatika mariiskogo yazyka* [Historical grammar of Mari]. Vol. 2. Yoshkar-Ola: Mari Publishing House, 1966.]
- Горбова 2016 — Горбова Е. В. Русские семьяфактивы и непрототипическая алломорфия. [Gorbova E. V. Russian semelfactives and non-prototypical allomorphy. *Russian Linguistics*, 2016, 40(1): 57–78.]
- Зализняк, Шмелев 2000 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. *Введение в русскую аспектологию*. М.: Языки русской культуры, 2000. [Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D. *Vvedenie v russkiyu aspektologiyu* [Introduction to Russian aspectology]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]
- Козлов 2018 — Козлов А. А. Фреквентатив. *Элементы мокшанского языка в типологическом освещении*. Толдова С. Ю., Холодилова М. А. (отв. ред.). М.: Буки Веди, 2018, 438–457. [Kozlov A. A. Frequentative. *Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*. Toldova S. Yu., Kholodilova M. A. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2018, 438–457.]
- Макарчук 2019 — Макарчук И. В. Глагольный аттенуатив в горномарийском языке. *Acta linguistica Petropolitana*, 2019, т. XV, ч. 2: 130–162. [Makarchuk I. V. Verbal attenuative in Hill Mari. *Acta linguistica Petropolitana*, 2019, vol. XV, part 2: 130–162.]
- Оскольская, Стойнова 2012 — Оскольская С. А., Стойнова Н. М. Способы выражения начальной фазы действия в нанайском языке. *Проблемы языка: Сб. научных статей по материалам Первой*

- конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». Девяткина Е. М., Ганенков Д. С., Маховиков Д. В., Шлуинский А. Б. (ред.). М.: Ин-т языкознания РАН, 2012, 213–230. [Oskolskaya S. A., Stoyanova N. M. Means of expression of the initial phase of event in Nanai. *Problemy yazyka: Proc. of the 1st Conf. "Problems of language: Young scholars' perspective"*. Devyatkina E. M., Ganenkov D. S., Makhovikov D. V., Shluinskii A. B. (eds.). Moscow: Institute of Linguistics, 2012, 213–230.]
- Плунгян 2000 — Плунгян В. А. 'Быстро' в грамматике русского и других языков. *Слово в тексте и словаре: Сб. статей к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна*. Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (ред.). М.: Языки русской культуры, 2000, 212–223. [Plungian V. A. 'Fast' in grammar of Russian and other languages. *Slovo s tekste i slovare: Sbornik statei k 70-letiyu akad. Yu. D. Aprestyana*. Iomdin L. L., Krysin L. P. (eds.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000, 212–223.]
- Плунгян 2009 — Плунгян В. А. К вопросу об акциональной классификации предикатов: акционально связанные ситуации. [Plungian V. A. On actional classification of predicates: Actionally bound events.] *Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten. Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag*. Scholze L., Wiemer B. (eds.). Bochum: Brockmeyer, 2009, 57–74.
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Саваткова 2002 — Саваткова А. А. *Горное наречие мари́йского языка*. [Savatkova A. A. *Gornoe narechie mariiskogo yazyka* [The Hill dialect of the Mari language].] Szombathely: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002.
- Серебренников 1967 — Серебренников Б. А. *Историческая морфология мордовских языков*. М.: Наука, 1967. [Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya mordovskikh yazykov* [Historical morphology of Mordvinic languages]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Татевосов 2010 — Татевосов С. Г. *Акциональность в лексике и грамматике*. Дис. ... докт. филол. наук. МГУ, 2010. [Tatevosov S. G. *Aksional'nost' v leksike i grammatike* [Actionality in lexicon and grammar]. Ph.D. diss. Moscow State Univ., 2010.]
- Федотов, Чуйкова 2013 — Федотов М. Л., Чуйкова О. Ю. К определению аспектуального значения лимитатива и к вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола. *Из прошлого в будущее. Сб. статей и воспоминаний к 100-летию проф. Ю. С. Маслова*. Грехова Е. И. (ред.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2013, 153–203. [Fedotov M. L., Chuikova O. Yu. Towards a definition of limitative aspect and on some features of Russian 'delimitative' derivation. *Iz proshlogo v budushchee. Sbornik statei i vospominanii k 100-letiyu professora Yu. S. Maslova*. Grekhova E. I. (ed.). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 2013, 153–203.]
- Храковский 1998 — Храковский В. С. Типология семelfактива. *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. Черткова М. Ю. (ред.). М.: Языки русской культуры, 1998, 485–490. [Xrakovskij V. S. Typology of semelfactive. *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya*. Chertkova M. Yu. (ed.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1998, 485–490.]
- Цыганкин 1980 — Цыганкин Д. В. (ред.). *Грамматика мордовских языков: фонетика, графика, орфография, морфология*. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 1980. [Tsygankin D. V. (ed.). *Grammatika mordovskikh yazykov: fonetika, grafika, orfografiya, morfologiya* [Grammar of Mordvinic languages: Phonetics, graphics, orthography, morphology]. Saransk: N. P. Ogarev Mordvin State Univ., 1980.]
- Шлуинский 2006 — Шлуинский А. Б. Акциональность и аспектуальный показатель: конструкция с вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке. *Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология*, 2006, 1: 32–47. [Shluinskii A. B. Actionality and an aspectual marker: Construction with the auxiliary verb *il-* in Chuvash. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2006, 1: 32–47.]
- Янда 2012 — Янда Л. А. Русские приставки как система глагольных классификаторов. *Вопросы языкознания*, 2012, 6: 3–47. [Janda L. A. Russian prefixes as a verb classifier system. *Voprosy Jazykoznanija*, 2012, 6: 3–47.]
- Armoškaitė, Koskinen 2008 — Armoškaitė S., Koskinen P. Diminutive verbal suffixes in Finnish. *Proc. of the 2008 Annual Conf. of the Canadian Linguistic Association*, 2008, 1–13.
- Armoškaitė, Sherkina-Lieber 2008 — Armoškaitė S., Sherkina-Lieber M. Event number suffixes in Russian and Lithuanian. *Proc. of Annual Workshop of Slavic Linguistics*. Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications, 2008, 1–16.
- Bacz 2012 — Bacz B. Reflections on semelfactivity in Polish. *Studies in Polish Linguistics*, 2012, 7: 107–128.

- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Croft 2012 — Croft W. *Verbs: Aspect and causal structure*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
- Dickey 2001 — Dickey S. M. “Semelfactive” *-nq-* and the Western Aspect Gestalt. *Journal of Slavic Linguistics*, 2001, 9(1): 25–48.
- Dickey, Hutcheson 2003 — Dickey S. M., Hutcheson J. Delimitative verbs in Russian, Czech and Slavic. *American Contributions to the 13th International Congress of Slavists*. Maguire R. A., Timberlake A. (eds.). Bloomington (IN): Slavica, 2003, 23–36.
- Filip 2000 — Filip H. The quantization puzzle. *Events as grammatical objects, from the combined perspectives of lexical semantics, logical semantics and syntax*. Pustejovsky J., Tenny C. (eds.). Stanford: CSLI Press, 2000, 3–60.
- Grice 1975 — Grice H. P. Logic and conversation. *Syntax and semantics*. Vol. 3. Cole P., Morgan J. L. (eds.). New York: Academic Press, 1975, 41–58.
- Kangasmaa-Minn 1984 — Kangasmaa-Minn E. Tense, aspect and Aktionsarten in Finno-Ugrian. *Aspect bound*. De Groot C., Tommola H. (eds.). Berlin: De Gruyter, 1984, 77–93.
- Karlsson 1999 — Karlsson F. *Finnish: An essential grammar*. 2nd edn. London: Routledge, 1999.
- Kisseleva, Tatevosov 2011 — Kisseleva X. L., Tatevosov S. G. Ordered activities and semantics of the delimitative. Talk presented on the *Sixth Annual Meeting of the Slavic Linguistics Society*, Provence, 2011.
- Krifka 1998 — Krifka M. *The origins of telicity. Events and grammar*. Rothstein S. D. (ed.). Dordrecht: Springer Netherlands, 1998, 197–235.
- Makarchuk 2020 — Makarchuk I. V. *Typology of verbal attenuative*. Master thesis. HSE Univ., Moscow, 2020. https://www.academia.edu/43196984/Typology_of_verbal_attenuative.
- Makarova, Janda 2009 — Makarova A., Janda L. A. Do it once: A case study of the Russian *-nu-* semelfactives. *Scando-Slavica*, 2009, 55(1): 78–99.
- Mehlig 1994 — Mehlig H. R. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени: о категории глагольного вида в русском языке [Homogeneity and heterogeneity in space and time: On verbal aspect in Russian]. *Revue des études slaves*, 1994, 66(3): 585–606.
- Nordrum 2020 — Nordrum M. *Together and apart. Perfective verbs with a prefix and the semelfactive suffix -nu- in Contemporary Standard Russian*. Tromsø: Univ. of Tromsø, 2020.
- Paducheva, Pentus 2008 — Paducheva E., Pentus M. Formal and informal semantics of telicity. *Theoretical and crosslinguistic approaches to the semantics of aspect*. Rothstein S. D. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008, 191–215.
- Piñón 1994 — Piñón C. Aspectual composition and the “pofective” in Polish. *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The MIT Meeting*. Avrutin S., Franks S., Progovac L. (eds.). Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications, 1994, 341–373.
- Rothstein 2008 — Rothstein S. D. Telicity, atomicity and the Vendler classification of verbs. *Theoretical and crosslinguistic approaches to the semantics of aspect*. Rothstein S. D. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008, 43–77.
- Smith 1997 — Smith C. S. *The parameter of aspect*. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1997.
- Sokolova 2015 — Sokolova S. “Rabotnul na slavu — gul’ni smelo!”: *-NU-* as a universal aspectual marker in non-standard Russian. *Proc. of the 5th Conf. of the International Commission on Aspectology*. Kyoto: Kyoto Sangyo Univ., 2015, 271–277.
- Sulkala 1996 — Sulkala H. Expression of aspectual meanings in Finnish and Estonian. *Estonian: Typological studies*. Vol. 1. Erelt M. (ed.). Tartu: Univ. of Tartu Press, 1996, 165–225.
- Tatevosov 2003 — Tatevosov S. G. Situational diminutives: Towards a typology. Talk presented at the *5th International Conf. of the Association for Linguistic Typology*, Cagliari, 2003.
- Tatevosov 2015 — Tatevosov S. G. Constraining the distribution of the delimitative. Talk presented at the Conf. “*Formal Approaches to Slavic Linguistics*”, 2015.
- Tosco 2007 — Tosco M. Semelfactive verbs, plurative nouns: On number in Gawwada (Cushitic). *Proc. of the 13th Italian Meeting of Afro-Asiatic Linguistics*. Fales F. M., Grassi G. F. (eds.). Padova: S.A.R.G.O.N., 2007, 385–399.
- Vendler 1957 — Vendler Z. Verbs and times. *The Philosophical Review*, 1957, 66(2): 143–160.